

УДК 392.5

К проблеме межэтнического взаимодействия (на примере свадебного комплекса моркинских марийцев)

Белевцова Виктория Олеговна

Кандидат исторических наук,
завкафедрой социально-гуманитарных дисциплин,
Московский государственный образовательный комплекс,
125362, Российская Федерация, Москва, ул. Вишневая, 5;
e-mail: m.b.nika@mail.ru

Аннотация

Цель. Статья посвящена свадебной обрядности моркинских марийцев. Раскрываются факторы, повлиявшие на формирование уникальных черт моркинской свадьбы. Наибольшее внимание уделено межэтническому влиянию и проблеме заимствований.

Методология. Методология работы включает в себя применение методов сопоставительного анализа свадебного комплекса моркинских марийцев, этнографических исследований и анализа исторических документов.

Результаты. Интересным становится тот факт, что, несмотря на существенные трансформационные процессы, происходившие на протяжении XX века, моркинская свадьба сохранила свои кульминационные, структурообразующие элементы практически в неизменном виде. Одним из факторов консервации брачной обрядности можно считать то, что выбор брачного партнера по-прежнему в основном ограничивается кругом своей этнографической группы.

Заключение. На материале исключительно брачной обрядности можно выделить моркинских марийцев в отдельную этнографическую группу. Учитывая все вышеизложенные факторы о моркинских марийцах, выделяемых в отдельную группу по костюму, данные по брачной обрядности также подтверждают, с одной стороны, ее уникальность, а с другой – связь с локальными традициями как горных (устройство свадебного места шелык, появление мнимой невесты и другие обрядовые действия, а также костюмный комплекс), так и восточных марийцев (например, уксорилокальность, институт посаженных родителей).

Для цитирования в научных исследованиях

Белевцова В.О. К проблеме межэтнического взаимодействия (на примере свадебного комплекса моркинских марийцев) // Культура и цивилизация. 2016. № 3. С. 187-197.

Ключевые слова

Свадебная обрядность, моркинские мари́йцы, межэтническое взаимодействие, брачный комплекс, костюм.

Введение

Проблема взаимосвязей и культурных заимствований народов Урало-Поволжья, контактов язычества и христианства является актуальной и малоисследованной. В пределах ареала традиционного расселения мари́йцы исторически соседствовали с этносами финно-угорского (мордва, удмурты), тюркского (татары, башкиры, чувашаи), славянского (русские) происхождения, с которыми устанавливали стабильные этнокультурные связи [Александров, 1899; Миллер, 1761; Михайлов, 1972]. Во многом формирование различных брачных комплексов свадебной обрядности мари́йцев обусловлено межкультурными контактами [Кушелев, 1998; Молотова, Токсубаева, 1990]. В данной статье предпринята попытка выявить русские заимствования в традиционной мари́йской свадьбе, которые будут рассматриваться с учетом как этнического, так и конфессионального факторов [Белевцова, 2011]. В настоящее время открытым остается вопрос о доли конвергентных и заимствованных элементов в традиционной мари́йской свадьбе.

Благодаря сложению ряда факторов: территориального, конфессионального, социально-культурного – и, в особенности, фактору межэтнического взаимодействия, мари́йская свадебная обрядность является весьма неоднородным явлением и представляет собой ряд уникальных брачных комплексов, среди которых особого внимания заслуживает брачный комплекс моркинских мари́йцев.

В свадебных традициях поволжских народов прослеживается множество параллелей, которые объясняются как схожими хозяйственно-культурными чертами, так и существованием тесных межкультурных связей. Процесс взаимовлияний традиционных культур весьма неоднозначен, и в целом неправомерным представляется разговор о доминирующем влиянии одной культуры на другую; тем не менее, в рамках данной статьи будет обозначен ряд схожих сюжетов, имеющих распространение как среди свадебной обрядности моркинских мари́йцев сельской местности, так и среди соседних народов, главным образом чувашей и русских.

Условия, определяющие свадебное своеобразие моркинского свадебного комплекса

Говоря о своеобразии моркинского свадебного комплекса, необходимо указать некоторые условия, благодаря которым он в итоге приобрел свой неповторимый облик [Фукс, 1840; Ягафарова, 1887; Магницкий, 1888].

С одной стороны, группа моркинских мариЙцев резко отличается от основного массива луговых мариЙцев. Так, Моркинская волость являлась одной из волостей, где происходила концентрация языческих верований, благодаря чему здесь, в меньшей степени подвергшись христианскому влиянию, смогли сохраниться многие архаические черты культуры [Белевцова, 2010]. С другой стороны, тесное межэтническое взаимодействие с соседними народами позволило моркинской обрядности также приобрести ряд специфических черт [Козлова, 1978].

Моркинские мариЙцы переселились в этот район с правобережья Волги, где, по всей вероятности, в районе Цивильска (ныне входит в состав Чувашской Республики), значительное время жили в соседстве с чувашами. Влияние чувашской культуры возможно проследить в традиционном костюме моркинских мариёк, которые, как и звениговские, носят шарпаны, тогда как в других местах подобный женский головной убор не встречается [Васильев, 1915]. Одним из лингвистических факторов, также указывающих на чувашское влияние, является употребление моркинскими мари чувашского слова «шамыч» [Молотова, Токсубаева, 1990; Фукс, 1840].

Свадебная обрядность моркинских мариЙцев представляет собой уникальный набор специфических традиций, представленных только на данной территории [Chesser, 1980; Reidt, 2013].

Особо следует выделить единичный, присущий только этому свадебному комплексу, элемент обрядности – девичник *ўдыр ончыл йўмё* с песнями-причитаниями. Брак заключался посредством сватовства с соблюдением основных структурных элементов: смотрины *ончымаш*, *ўдыр йодмаш*, сватовство *ўдыр йўмашт*, включавшие *ўдыр йўмё* (питье невестой вина), *шергаш вашталыш* (букв. «обмен кольцами»), *ўдыр арака йўаш / Ёдёр йўаш* (букв. «пропивать девичье вино»). Устойчивым элементом здесь являлся шелк. Кроме того, в предсвадебном цикле проводились девичник *ўдыр ончыл йўмё* и обряд укладывания приданого. Основное свадебное торжество проводилось у посаженного отца у родителей невесты, при этом религиозное оформление брака могло фиксироваться как в локусе жениха, так и в локусе невесты (у посаженного отца / у родителей невесты).

Сценарий моркинской свадьбы

Сценарий моркинской свадьбы представляет собой довольно сложный вариант по сравнению со сценарием свадебной церемонии у основной части луговых мариЙцев. Так, прежде чем ехать за невестой, свадебный поезд по дороге заезжал к сватуну в деревне невесты *ончыч коштио / коклам коштио*, а возвращаясь с невестой, поезд заезжал к сватуну из деревни жениха *тулар мариЙ*. Что же касается религиозного оформления брака, то преобладающей здесь была языческая традиция, где обряд исполнял обряд *сўан вуй* (глава поезда), хотя, по прошествии определенного времени, многие пары совершали и православный об-

ряд венчания, где исполнителями выступали *каче ача* (отец жениха) или священник. Благодаря православному влиянию религиозное оформление брака и смена головного убора в некоторых случаях проводились на территории православного храма.

Выборные чины моркинской свадебной обрядности

Своеобразием и функциональной направленностью отличаются выборные чины моркинской свадебной обрядности. В зависимости от селения, функции главы поезда могли выполнять как *карт*, так и *сўан вуй*. В описываемом свадебном подкомплексе появляется специфический персонаж – *первый ўдыр* (первая невеста), который выбирался из близких молодых родственников невесты. Молодого человека одевали в свадебный кафтан – *сывын* и провожали к столу с целью защиты невесты [Яковлев, 1887]. По функциональной направленности он соответствовал младшему дружке в поезде жениха. Особо выделялась роль посаженных родителей *киямат ача* и *ава*. *Киямат ава / вуй пулчышо ава* участвовала в обряде смены девичьей прически на женскую, одевала женский головной убор [там же]. Роль крестной матери совмещала в себе практически все функции, в первую очередь защитную. В данной местности *киямат ава* принимала участие во всех обрядовых действиях, исполняя их вместе с невестой или за нее. В ее обязанности входила смена девичьего головного убора на женский, исполнение всех ключевых свадебных обрядов вместе с молодыми. Обязательным атрибутом у *киямат ава* была пуховая подушка, на которой невесту везли и сажали в доме жениха, а посаженная мать использовала ее для защиты. При проведении постельного обряда *кого вене* должен был ударить невесту трижды кнутом, а посаженная мать – закрыть невесту от удара. Данному обряду придавали большое значение и считали, что от его исхода будет зависеть вся дальнейшая жизнь молодой.

У моркинских мариюцев появляется специфический персонаж – *первый ўдыр* (первая невеста), который выбирался из родственников невесты. Молодого человека одевали в свадебный кафтан *сывын* невесты и приводили к столу, который он обходил три раза. Это делалось с целью защиты невесты.

Во главе свадебного поезда стоял *сўан вуй* – локальная специфика обряда у моркинских мариюцев заключалась в том, что *сўан вуй* не назначался, а его роль играл крестный отец жениха¹.

Сравнение луговомарийского и моркинского свадебного комплексов

В отношении луговомарийского свадебного комплекса моркинская брачная обрядность особенно выделяется использованием специфического костюма. Невеста носила черный кафтан *шем сывын* и мерлушковую шапку – *ыслык*, а женщины-поезжанки помимо черного

1 ПМА: 2011-2012 гг. Республика Марий Эл: г. Йошкар-Ола, г. Козьмодемьянск, г. Волжск.

кафтана надевали *шарпан* с полным набором головных, шейно-нагрудных и поясных украшений. В качестве дополнительных атрибутов участницы церемонии использовали фабричные головные платки, которые прикреплялись к рукавам кафтана [Молотова, Токсубаева, 1990]. Головные украшения моркинских маринок также резко отличались от других марийских украшений: *вуй имэ²* и *нашмак ончыл³* [Евсеев, 1927]. Оригинальностью отличался и свадебный фольклор, в котором присутствовало сольное пение невесты во время проведения девичника – *ўдыр ончыл йўмб* и групповое выступление – пение свадебных юношей – *рвезе-влак ынмурашт*. Среди особенностей этого свадебного комплекса можно также отметить появление невесты после приезда свадебного поезда жениха, приготовление специального блюда – *коронно-пучумышо* (дорожная каша) перед отъездом свадебного поезда [Яковлев, 1887], встречу свадебного поезда в доме родителей жениха, сопровождаемую свадебным приветствием дружки – *саламалыком*. Послесвадебный период представлен следующими обязательными компонентами: обычаи избегания, первое посещение молодыми родителей невесты – *первый йошо* и второе посещение молодых с родственниками дома невесты *винге браги*, т. е. «обращение к родителям».

Влияние межэтнического взаимодействия на моркинский свадебный комплекс

В свадьбе маринов моркинской группы заметно проявляется чувашское влияние. У моркинских маринов присутствовали узколокализованные обряды, такие как девичник *ўдыр ончыл йўмб*, и исполнение свадебных причитаний, вероятно, не являющихся традиционно марийскими и представляющих собой результат влияния соседних народов [Козлова, 1978], произнесение *саламалыком* (сравните, чув. *саламалик* [Ягафова, 2007]) и троекратное подношение подарков *саусом* при встрече невесты в доме родителей жениха перед каждым из родителей [Яковлев, 1887]. Тем не менее отметим, что брачные обряды, заимствованные или выработанные под влиянием соседних народов, переплетались с ранней марийской традицией и уже зачастую воспринимались носителями этнической культуры как свои исконные.

Обряды, связанные с укладыванием молодых, продолжают бытовать в игровой форме. К концу свадебного застолья *саус* и крестная мать идут укладывать молодых. Как правило, молодые выкупают кровать у ребенка, которого кладут на нее. Молодой ложится на кровать, а молодухе перекрывает путь *саус*, который должен троекратно ударить ее кнутом по спине, но крестная мать с помощью подушки не должна этого допустить. Этому обрядовому элементу сейчас придают иное символическое значение, нежели в традици-

2 Украшение из серебряных монет, которое носится на голове.

3 Украшение из серебряных монет, которое надевалось на голове у темени.

онном обряде. Считается, что если крестная мать не успеет защитить невесту от удара, то семейная жизнь не сложится⁴.

Если свадьба играется в столовой, то ход ее определяет приглашенный тамада. Исполнение свадебных марийских песен и танцев на ней обязательно, как и одаривание родственников. В свою очередь, каждый участник свадьбы вносит свою лепту в благосостояние молодой семьи и с торжественными пожеланиями одаривает молодых подарком, в основном деньгами. В том случае, если обряды не исполняются, во время гуляния проводятся различные современные конкурсы на ловкость, смекалку гостей, на «узнавание» молодоженов среди других гостей (например, дается задание узнать молодую жену по кисти руки и т. д.)⁵.

Заключение

Интересным становится тот факт, что, несмотря на существенные транс-формационные процессы, происходившие на протяжении XX века, моркинская свадьба сохранила свои кульминационные, структурообразующие элементы практически в неизменном виде. Одним из факторов консервации брачной обрядности можно считать то, что выбор брачного партнера по-прежнему в основном ограничивается кругом своей этнографической группы⁶. Данные по брачной обрядности подтверждают, с одной стороны, ее уникальность, а с другой – связь с локальными традициями как горных (устройство свадебного места *шелык*, появление мнимой невесты и другие обрядовые действия, а также костюмный комплекс), так и восточных марийцев (например, уксорилокальность, институт посаженных родителей).

Таким образом, характеристика современного состояния моркинского брачного комплекса указывает на уникальное положение группы моркинских марийцев, которые по материалам исключительно брачной обрядности занимают промежуточное положение между луговыми, горными и восточными.

Межкультурное взаимодействие марийцев и соседних народов в основном определило приоритетное формирование языка, культурно-бытовых традиций, брачной обрядности. Во многом развитие различных брачных комплексов свадебной обрядности марийцев было обусловлено межкультурными контактами этнотерриториальных групп марийцев с соседями.

Учитывая все вышеизложенные факторы о моркинских марийцах, выделяемых в отдельную группу по костюму, данные по брачной обрядности также подтверждают, с од-

4 ПМА: 2006-2011 гг. Республика Марий Эл: Медведевский, Оршанский, Мари-Турекский, Парангинский, Куженерский, Сернурский, Горномарийский районы.

5 ПМА: 2006-2011 гг. Республика Марий Эл: Медведевский, Оршанский, Мари-Турекский, Парангинский, Куженерский, Сернурский, Горномарийский районы; ПМА: 2011-2012 гг. Республика Марий Эл: г. Йошкар-Ола, г. Козьмодемьянск, г. Волжск.

6 ПМА: 2006-2011 гг. Республика Марий Эл: Медведевский, Оршанский, Мари-Турекский, Парангинский, Куженерский, Сернурский, Горномарийский районы.

ной стороны, ее уникальность, а с другой – связь с локальными традициями как горных (устройство свадебного места шелык, появление мнимой невесты и другие обрядовые действия, а также костюмный комплекс), так и восточных марийцев (например, ускорилочальность, институт посаженных родителей). Таким образом, на материале исключительно брачной обрядности можно выделить моркинских марийцев в отдельную этнографическую группу.

Библиография

1. Александров Н.А. Черемисы и чувашы (Лесная окраина). М.: Изд. А.Я. Панафидин, 1899. 40 с.
2. Багин С.А. Гадатели и знахари из царевokokшайских черемис. Этнографические очерки священника С.А. Багина. Казань: Типография Императорского университета, 1910. 18 с.
3. Белевцова В.О. Русские заимствования в марийской свадебной обрядности // Клио. 2011. № 6 (57). С. 73-74.
4. Белевцова В.О. Свадебная обрядность восточных марийцев в контексте межкультурного взаимодействия в Восточном Закамье // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 93-98.
5. Белевцова В.О. Традиционная свадебная обрядность марийцев: структурно-типологический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 2. С. 182-198.
6. Васильев В.М. Материалы для изучения верований и обрядов черемис. Казань: Центральная типография, 1915. 27 с.
7. Васильев В.М. Отношение черемис к половой распущенности. На основании материалов, собранных у восточных черемис в Уфимской губернии и у луговых черемис в Казанской и Вятской губерниях. Казань: Типолитография Императорского университета, 1915. 24 с.
8. Васильев В.М. Умыкание (кража) невест у черемис // Известия по Казанской епархии. 1906. № 5. С. 127-140.
9. Евсеев Т.Е. Одежда марийцев // Марий Эл. 1927. № 1-3. С. 108-115.
10. Иванов А.Г. Культура и быт марийцев Нижегородской губернии в описаниях православного духовенства середины XIX века // Марийский археографический вестник. 2004. № 14. С. 150-158.
11. Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М.: Наука, 1978. 345 с.
12. Кушелев П.С. Черемисская свадьба (Из быта черемис Козьмодемьянского уезда Казанской губернии) // Марийский археологический вестник. 1998. № 8. С. 230-233.
13. Магницкий В.К. Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде. Казань: Типография губернского правления, 1888. 128 с.

14. Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. Сочиненные по возвращении его в 1743 году из Камчатской экспедиции. СПб., 1761. 100 с.
15. Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. 352 с.
16. Молотова Т.Л., Токсубаева Л.С. Функциональные особенности свадебной одежды марийцев // Современная обрядность народов среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казанского университета, 1990. С. 74-82.
17. Никольский Н.В. История мари (черемис). Казань: Первая гос. типография, 1920. 180 с.
18. Никольский Н.В. Религиозно-нравственное состояние инородцев Поволжья // Инородческое обозрение. Приложение к журн. «Православный собеседник» за дек. 1912 г. 1912. Кн. 1. С. 3-5.
19. Нурминский А. Из заметок о черемисах Казанской губернии // Православное обозрение. 1863. Т. 9. № 9. С. 34-38.
20. Фукс А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Типография Казанского императорского университета, 1840. 329 с.
21. Ягафова Е.А. Чувашаи Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX в.). Чебоксары, 2007. 530 с.
22. Яковлев Г. Религиозные обряды черемис. Казань: Изд. Православного миссионерского общества, 1887. 87 с.
23. Chesser B.J. Analysis of wedding rituals: an attempt to make weddings more meaningful // Family relations. 1980. Vol. 29. No. 2. P. 204-209.
24. Reidt S.E. Marriage customs of the world: an encyclopedia of dating customs and wedding traditions // Reference and user services quarterly. 2013. Vol. 53. No. 2. P. 201.

On the problem of interethnic interaction (a case study of the wedding complex of the Morki Mari)

Viktoriya O. Belevtsova

PhD in History,
Head of the Department of socio-humanitarian disciplines,
Moscow State Educational Complex,
125362, 5 Vishnevaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: m.b.nika@mail.ru

Abstract

Objective. The article is devoted to the wedding rites of the Morki Mari. The factors, having an influence on the formation of the unique features of the Morki wedding, are revealed. Special attention is paid to the interethnic impact and the problem of borrowings.

Methodology. The methodology of the work includes the application of the methods of comparative analysis of the wedding complex of the Morki Mari, ethnographic studies and the analysis of historic documents.

Results. It is interesting that in spite of significant transformational processes, happening during the XX century, the Morki wedding has kept its culmination, structure-forming elements virtually unchanged. One of the factors of conservation of the wedding rites may be the fact that the choice of the marriage partner is still mostly limited by the range of their ethnographic group.

Conclusion. Exclusively by the material of marriage rites it is possible to allocate the Morki Mari to a separate ethnographic group. Considering all the above mentioned factors about the Morki Mari, making into a separate group according to their costume, the information about wedding rites also confirm, on the one hand, its uniqueness, and on the other hand – connection with local traditions of both alpine (the arrangement of the wedding place shelyk, appearance of a fake bride and other ritual actions, and costume complex as well), and the Eastern Mari (for example, matrilocality, the institute of wedding parents).

For citation

Belevtsova V.O. (2016) K probleme mezhetnicheskogo vzaimodeistviya (na primere svadebnogo kompleksa morkinskikh mariitsev) [On the problem of inter-ethnic interaction (a case study of the wedding complex of the Morki Mari)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 3, pp. 187-197.

Keywords

Wedding rites, Morki Mari, interethnic interaction, wedding complex, costume.

References

1. Aleksandrov N.A. (1899) *Cheremisy i chuvashi (Lesnaya okraina)*. [The Cheremis and Chuvash (Forest edge)]. Moscow: A.Ya. Panafidin Publ.
2. Bagin S.A. (1910) *Gadateli i znakhari iz tsarevokokshaiskikh cheremis. Etnograficheskie ocherki svyashchennika S.A. Bagina* [Diviners and healers from the Tsarevokokshaisk Cheremis. Ethnographic essays of the priest S.A. Bagin]. Kazan: Imperial University.
3. Belevtsova V.O. (2011) Russkie zaimstvovaniya v mariiskoi svadebnoi obryadnosti [Russian borrowings in the Mari wedding ceremony]. *Klio*, 6 (57), pp. 73-74.

4. Belevtsova V.O. Svadebnaya obryadnost' vostochnykh mariitsev v kontekste mezhkul'turnogo vzaimodeistviya v Vostochnom Zakam'e [Wedding rites of the Eastern Mari in the context of cross-cultural interaction in the Eastern Kama Region]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 6, pp. 93-98.
5. Belevtsova V.O. (2011) Traditsionnaya svadebnaya obryadnost' mariitsev: strukturno-tipologicheskii analiz [Traditional wedding rites of the Mari: structural-typological analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 14 (2), pp. 182-198.
6. Chesser B.J. (1980) Analysis of wedding rituals: an attempt to make weddings more meaningful. *Family relations*, 29 (2), pp. 204-209.
7. Evseev T.E. (1927) Odezhda mariitsev [Clothes of the Mari]. *Mari El*, 1-3, pp. 108-115.
8. Fuks A. (1840) *Zapiski o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoj gubernii* [Notes about the Chuvash and Cheremis of the Kazan province]. Kazan: Kazan Imperial University.
9. Ivanov A.G. (2004) Kul'tura i byt mariitsev Nizhegorodskoj gubernii v opisaniyakh pravoslavnogo dukhovenstva serediny XIX veka [Culture and life of the Mari of the Nizhny Novgorod province in the descriptions of the Orthodox clergy of the middle of the XIX century]. *Mariiskii arkheograficheskii vestnik* [Mari archeological herald], 14, pp. 150-158.
10. Kozlova K.I. (1978) *Ocherki etnicheskoi istorii mariiskogo naroda* [Essays on the ethnical history of the Mari people]. Moscow: Nauka Publ.
11. Kushelev P.S. (1998) Cheremisskaya svad'ba (Iz byta cheremis Koz'modem'yanskogo uezda Kazanskoj gubernii) [The Cheremis wedding (From the life of the Cheremis of the Koz'modem'yanskii uyezd)]. *Mariiskii arkheologicheskii vestnik* [Mari archeological herald], 8, pp. 230-233.
12. Magnitskii V.K. (1888) *Nravy i obychai v Cheboksarskom uezde* [Manners and customs in the Cheboksary uyezd]. Kazan: Tipografiya gubernskogo pravleniya Publ.
13. Mikhailov S.M. (1972) *Trudy po etnografii i istorii russkogo, chuvashskogo i mariiskogo narodov* [Works on ethnography and history of the Russian, Chuvash and Mari peoples]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo Publ.
14. Miller G.F. (1761) *Opisanie zhivushchikh v Kazanskoj gubernii yazycheskikh narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov. Sochinennye po vozvrashchenii ego v 1743 godu iz Kamchatskoj ekspeditsii* [Description of pagan peoples, living in the Kazan province, like the Cheremis, Chuvash and Votyaks. Composed on his return in 1743 from Kamchatka expedition]. St. Petersburg.
15. Molotova T.L., Toksubaeva L.S. (1990) Funktsional'nye osobennosti svadebnoi odezhdy mariitsev [Functional peculiarities of the wedding clothes of the Mari]. *Sovremennaya obryadnost' narodov srednego Povolzh'ya* [Modern ritual of the peoples of the Middle Volga Region]. Kazan: Kazan University, pp. 74-82.
16. Nikol'skii N.V. (1912) *Religiozno-nravstvennoe sostoyanie inorodtsev Povolzh'ya* [Religious-moral state of the foreigners of the Volga Region]. *Inorodcheskoe obozrenie. Prilozhe-*

- nie k zhurn. "Pravoslavnyi sobesednik" za dek. 1912 g.* [Foreign review. Supplement to the journal "The Orthodox interlocutor" December 1912], Book 1, pp. 3-5.
17. Nikol'skii N.V. (1920) *Istoriya mari (cheremis)* [History of the Mari (the Cheremis)]. Kazan: Pervaya gos. tipografiya Publ.
 18. Nurminskii A. (1863) Iz zametok o cheremisakh Kazanskoi gubernii [From the notes about the Cheremis of the Kazan province]. *Pravoslavnoe obozrenie* [Orthodox review], 9 (9), pp. 34-38.
 19. Reidt S.E. (2013) Marriage customs of the world: an encyclopedia of dating customs and wedding traditions. *Reference and user services quarterly*, 53 (2), pp. 201.
 20. Vasil'ev V.M. (1906) Umykanie (krazha) nevest u cheremis [Theft of brides among the Cheremis]. *Izvestiya po Kazanskoi eparkhii* [News of the Kazan diocese], 5, pp. 127-140.
 21. Vasil'ev V.M. (1915) *Materialy dlya izucheniya verovanii i obryadov cheremis*. [Materials for studying beliefs and rituals of the Cheremis]. Kazan: Tsentral'naya tipografiya Publ.
 22. Vasil'ev V.M. (1915) *Otnoshenie cheremis k polovoi raspushchennosti. Na osnovanii materialov, sobrannykh u vostochnykh cheremis v Ufimskoi gubernii i u lugovykh cheremis v Kazanskoi i Vyatskoi guberniyakh* [Attitude of the Cheremis to sexual promiscuity. Based on the materials, collected at the Eastern Cheremis in the Ufa province and at the Meadow Cheremis in the Kazan and Vyatka provinces]. Kazan: Imperial University.
 23. Yagafova E.A. (2007) *Chuvashi Uralo-Povolzh'ya: istoriya i traditsionnaya kul'tura etnoterritorial'nykh grupp (XVII – nachalo XX v.)* [The Chuvash of the Ural Volga Region: history and traditional culture of ethnoterritorial groups (XVII – the beginning of XX century)]. Cheboksary.
 24. Yakovlev G. (1887) *Religioznye obryady cheremis* [Religious rites of the Cheremis]. Kazan: Orthodox Missionary Society.